

Владимир ПАНКРАТОВ

Владимир Панкратов родился в Ташкенте в 1990 году. Книжный обозреватель, блогер. Публиковался в журналах «Волга» (рассказ «Шестое января, вторник», 2015, № 11-12), «Знамя». Живет в Москве.

ПОЕДАТЕЛЬ РИСОВОГО СУПА

Рассказ

Я тогда играл с черным пластмассовым пистолетом, который где-то нашел, большинство игрушек так у меня и появлялись. Мне нравилось, что это именно револьвер, он, конечно, красивее любого другого пистолета, потому что похож даже не на пистолет, а на вычурную штучку вроде браслета или, не знаю, солидного портмоне. В воображаемых мною сценах из него никогда не стреляли, его находили на месте преступления и поднимали кончиками пальцев, чтобы не стереть отпечатки, или наготове держали перед собой двумя руками, пробираясь по коридорам заброшенных зданий в поисках беглеца.

Вообще я не был любителем разных стрелялок и войнушек, и револьвер был интересен не как оружие, а, скорее, как красивое устройство со множеством подвижных деталей. Еще с таким реквизитом можно было придумывать целые фильмы, которые я показывал мнимым зрителям, чаще всего детективы. Они получались проще всего, наверное потому, что в таком кино известно, что за чем идет, сначала должны найти труп или обнаружить, что человек исчез, потом опрашивать его знакомых, мотивом убийства становились, конечно, наследство или страховка, а в последней сцене должна развернуться погоня или драка, с револьвером, упавшим на пол так далеко, что до него не дотянешься.

Все фильмы я делал примерно по такой схеме. Только я не снимал их, а сразу показывал, будто сейчас какие-то зрители сидят в своих квартирах и смотрят эти фильмы по телевизору. Я представлял, как всё должно выглядеть, точно сидел я на самом деле не в своем кресле, а в кресле, найденном специально для этой сцены, и комната не моя, а немного другая, и мне даже не приходилось переодеваться или менять голос, чтобы говорить за мужчину и за женщину, и местоположение я не менял, когда в кадре появлялись разные люди. Я лишь произносил их слова, а все остальное только представлял, и вот эта представленная мной картинка и попадала по спутниковым сетям на экраны выдуманных зрителей.

Я редко устраивал трансляции на улице, потому что стеснялся, когда кто-то случайно видел меня бормочущим под нос, но летом все равно это делал, жалко сидеть дома при хорошей погоде, а играть на улице не с кем, все разъезжались, кто в лагерь, кто на дачу. Я тоже каждое лето ездил к бабушке за город и проводил там несколько недель, но тогда, вероятно, уже погостил у нее и приехал обратно.

Не помню, как я очутился у отца на работе, то ли мама предложила помогать ему на время летних каникул, а значит, я уже ходил в школу, наверное, первые начальные классы, то ли я сам в поисках хоть какого-то дела, а может и

новых декораций для своих фильмов, добрал до пяточка с восемью или десятью боксами, где отец и еще несколько механиков чинили автомобили, это было в пяти минутах ходьбы от дома, развал-схождение, вулканизация, ремонт ходовой, такие у них висели вывески. Отец никогда не пытался привлечь меня к работе, он знал, что я равнодушен к автомобилям, и уж тем более к их внутренностям. Так что когда я явился к нему в гараж, он как бы в шутку спросил, не собрался ли я ему помогать, и не мама ли меня к нему послала, он никогда не говорил мать, а всегда говорил мама, затем вручил мне веник и велел подмести перед гаражом. Я это быстро сделал, а потом про меня забыли, позволяя шастать в гараже и трогать что хочу или вообще исчезнуть так же, как появился.

К содержимому гаража я быстро охладел, какие-то инструменты, железяки разной формы, гаечные ключи на десять, на двенадцать, я слышал, как отец их называл. Все это было неинтересно, но к счастью, у гаража имелась еще одна дверь с выходом на заднюю веранду, это я ее так называю, на самом деле обычная крохотная площадка, два старых кресла, в которых приходилось чуть ли не лежать, куча пропитанного маслом шмотья, маленький круглый столик, собранный, видимо, здесь же из арматуры и фанеры, пепельница в виде женщины с обнаженной грудью, которая прогнулась так, как могут прогибаться только спортсменки, скудная пластмассовая посуда и навес, не пускавший сюда не желтое даже, а белое от раскаленности солнце. Там было тихо и уютно, как будто и нет никакого гаража, где заводятся моторы, отец и его коллега бывали на веранде редко, работы у них было много, и иногда они заходили покурить или выпить крепко-накрепко заваренного чая из термоса, но чаще я оставался один и мог, никого не стесняясь, разговаривать сам с собой во весь голос, воображая, что нахожусь в очередном фильме. Оттуда открывался вид на другие, закрытые ржавые гаражи, где не велись работы, а просто, наверное, стояли чьи-то машины или хранились банки с вареньем, а между гаражами проходил широкий грязный канал, достаточно широкий, что я тогда, сколько же мне было лет, не мог его перепрыгнуть, вода в нем если и текла, то незаметно, канал казался совсем заболоченным, но не высыхал, мешки с чем-то сыпучим вылезали из воды, ветки, бутылки, я видел даже обувь, и еще какую-то куклу без рук, но с пышной рыжей шевелюрой, все поросло слизистым мхом и, конечно, служило самым лучшим антуражем для страшных сцен в детективном сериале, который шел по телеканалу имени меня.

Это место я сразу полюбил, и за один день не смог исследовать его полностью, постепенно я стал покидать веранду и уходил дальше вдоль канала, словно закрытый от всей вселенной, с обеих сторон гаражи, а сверху ветки деревьев, некоторые из которых корнями разрушали стенки канала, вода вся в пятнах, белые солнечные пятна мешались с темными пятнами-теньями от листиков, и выглядело это и сказочно, и зловеще, так красиво, что я думал даже, что попал не в свой собственный фильм, а в какой-то чужой, в один из тех, где я видел подобные красивые кадры. Я думал даже, не начать ли показывать другие фильмы, не детективы, а такие, где будут уместны неподвижные кадры, или с еле-еле плывущей камерой и человеком в кадре, который выглядит чарующе и торжественно только лишь потому, что не двигается. Но я не знал, как придумать сюжет для этих других фильмов, о чем там должны разговаривать неподвижные герои и как объяснять свое нахождение близ заброшенного канала, и я продолжал гнать истории про убийства, где мертвых находили в этом самом канале, а вокруг

него искали улики, оброненные преступниками, и всегда что-то находили, например, тот самый черный пистолет, который сразу же помещали в специальный пакетик.

Но вдруг гаражи кончились. И показался низенький заборчик. За которым находился детский сад. Я знал про этот детский сад, но обычно видел его с другой стороны, а сам ходил когда-то в соседний, на другом конце квартала. Заборчик был мне примерно по грудь, как странно, думал я, через него можно легко перелезть, а потом сорваться в канал и утонуть, или согнуться между гаражами, пропасть в этом тупиковом пространстве, упасть на сук или попасться нехорошему человеку, который в многолетней листве скрывает улики или прячет кого-то примерно моего же возраста. Со стороны сада к забору никто не подходил, там простирался пустырь, где не росла трава, игровые площадки находились в отдалении. Я стоял там, никем не замеченный, смотрел на разноцветных детей и воспиталок в халатах и ощущал себя в фильме, где я прошел сквозь тесные джунгли и мне вдруг открылся неожиданный вид на пустое поле, о котором никто не подозревал. Камера сначала показывала мое лицо крупным планом, мои глаза расширялись, затем в дело вступала летающая камера, которая была чуть позади меня и прямо из-за спины вылетала над пустырем, передавая все, что открылось моему взору.

Дети уже не играли, они выстраивались в шеренги, а воспиталки звали тех, кто убежал на другие площадки, было, видимо, время обеда, они долго собирались и постепенно покидали игровые зоны, группа за группой, я всматривался в лица детей и хотел, чтобы хоть кто-то из них случайно заметил меня, прячущегося в кустах, а потом бы еще с удивлением оборачивался, уходя к своему обеду и обязательной кровати, это выглядело бы очень кинематографично. Я еще долго смотрел на удаляющиеся спины, но ни с кем так и не встретился взглядом, становилось все тише, и наконец все ушли.

И тут я посмотрел туда, куда упал мой взгляд, как только я вышел к заборчику. Там, за низеньким столом, который напоминал грибок, на крохотном пеньке, эти пеньки были расставлены вокруг стола, сидел человек с длинными ногами в шортах, держал в руке ложку и смотрел на меня. Мне кажется, всё было так, хотя, может, я уже потом выстроил эту картину в памяти, может, все было по-другому, и он обернулся ко мне, оттого что я долго изучал его со своего наблюдательного поста, или он сразу меня заметил, а я его нет. Только знаю точно, что человек был, и когда я вспоминаю его, мне приходится обставлять историю различными деталями, и хочется верить, что я беру их из памяти, а не просто придумываю, хотя наверняка, наверняка большая часть того, что я помню, приобрела другие очертания со временем. Кажется, что между мной и ним было как минимум метров пятьдесят, но ведь этого очевидно не может быть, откуда в детском саду столько пустого места, и все равно его лицо было таким маленьким, и я вначале засомневался, на меня ли он смотрит. Но через некоторое время он поднял руку и поманил меня.

Хоть я и снимал всё на воображаемую камеру, в тот момент я подумал, что теперь меня снимает кто-то еще. По логике, уже давно продуманной множеством режиссеров, я, конечно, должен был подойти к странному, непонятно откуда взявшемуся человеку, да и правда, что я мог сделать, если не подойти, стоять там как истукан, что ли, или тут же уйти, или даже убежать, чтобы человек потом думал, какой я трус или как меня обработали родители, наставляя чураться

незнакомцев, да и он все равно был далеко, зачем убегать, ведь не стал бы он за мной гнаться, а если не убегать, то чего просто стоять и делать вид, что не понимаешь знаков.

В конце концов, стараясь не упускать его из виду, я перелез через забор и медленно приблизился к нему. Столик оказался не грибком, а ромашкой. Пеньки были пеньками. Сначала он предположил, что я один из тех детей, что сейчас ушли на дневной сон, что я отбил от группы и перелез за ограду сада, но я не без гордости сказал, что уже хожу в школу и просто гуляю где хочу. Я боялся признаться, что там, в гаражах работает мой отец, на каком-то интуитивном уровне я понимал, что тогда ему станет со мной не интересно, или он не захочет со мной общаться, побоявшись, что отец может нас увидеть. Не помню, как развивалась беседа, во всяком случае мой ответ его несколько не удивил, но одну реплику я запомнил, он сказал, что сегодня ему дали рисовый суп, в котором он насчитал ровно двадцать рисинок. Я не сразу понял намек на то, что суп пустой, а когда понял, подумал, что шутка была так себе. Ел он из тарелки, на дне которой куда-то летела ласточка, а его огромные волосатые колени находились выше поверхности стола.

Доев, он сказал, что должен отнести обратно поднос с посудой и велел подождать его здесь. Через некоторое время мне показалось, что стою уже долго, я подумал, что он надо мной пошутил и уже больше не вернется, и не понимал, сколько мне тут еще стоять, во всем саду ни души, тихий, по-настоящему тихий час, но ведь скоро воспиталки с детьми снова высыпают на улицу, и что мне тогда следует делать? Подойти к самому детсаду я тоже не мог, потому что боялся, что так он меня тем более потеряет и решит, что я удрал, и потеряет ко мне интерес. Я оборачивался, как бы проверяя, не наблюдает ли кто за мной, все больше волновался и всматривался в точку, за которой скрылся поедатель рисового супа, хотя на самом деле я не заметил, куда именно он ушел. У меня задергались щеки и защипали глаза, мне хотелось плакать, я решил, что пора уходить, и пошел в сторону заборчика. Но на полпути остановился и снова посмотрел на здание детского сада. Потом все-таки вернулся к ромашке и сел около нее.

Я просидел так, наверное, минут пятнадцать, озираясь направо и налево, один в пустом детском саду, где тишину нарушал только шум деревьев, мерно покачивающихся от ветра, столь высоких, что их обильная листва, прикрывающая меня от солнца, снизу казалась не зеленой, а черной. Тогда я вдруг подумал, что впервые могу показать фильм, который будет начинаться не так, как обычно, не с того момента, как следователи приезжают на уже оцепленное место преступления и с деловым видом расспрашивают, что здесь произошло, а раньше, когда будущая жертва еще жива и ничего не подозревает, а будущий убийца высматривает жертву, общается с ней, а сам в то же время планирует, что он сделает с телом. Еще у меня мелькнула мысль, что мне, возможно, даже не придется ничего придумывать. Я сидел один среди резиновых уток и отполированных пеньков, заглянул под стол-ромашку, там валялась чья-то кепочка, вся в грязи, видимо, давно уже потерянная. Листья продолжали шелестеть, я еще раз обернулся к заборчику, но не успел вновь подумать о побеге, как подошел он. Лицо его покрывали густые, складывающиеся в безобразную бороду волосы, странно, я не помню лица, но помню эти волосы и что он был очень высоким.

Весь оставшийся день я провел в детсаду, бегая за ним как собачонка, то на задний двор, где обнаружился целый яблоневый сад, то на неиспользуемую игровую зону, где лежали груды недокрашенных автомобильных покрышек. Не помню, кажется, я помогал ему, хоть и не особо успешно, и мы о чем-то говорили, всегда удивляюсь, когда в книжках герой вспоминает что-то из прошлого и приводит давнишний диалог с точностью до запятой. Наверняка я просто стеснялся и уж точно ни о чем его не спрашивал, зато отвечал на его бесконечные вопросы, откуда я взялся, один ли я здесь, он задавал их с таким энтузиазмом, будто я африканский мальчик, по волшебству оказавшийся перед ним. Меня же возбуждала возможность разговаривать с абсолютным незнакомцем, да еще и таким взрослым, который ничего обо мне не знал и был готов поверить всему, что я скажу. Он с деланным интересом реагировал на мои ответы, мне даже казалось, что он преувеличивает, я наврал, что пришел сюда издалека, что по секрету от родителей ухажу гулять далеко за пределы своего района, а когда он спросил, кто еще из моих друзей знает об этом месте и как часто мы сюда ходим, я ответил, что всегда гуляю один. На следующий день, дождавшись обеда, я снова стоял у заборчика и ждал, когда воспиталки уведут детей, преодолел заборчик и перелез через него обратно к каналу уже вечером, когда никаких детей в детсаду не осталось.

Как-то мы прогуливались вечером с бабушкой, у нее была такая привычка перед сном, она вдруг говорила мне пойдем, и мы делали круг по району, я должен был помочь, если она вдруг ненароком упадет, хотя думаю, ей просто было скучно ходить одной. И вот мы проходили мимо этого детского сада, а жили мы на самом деле через двор от него, и я сказал, не знаю зачем, что уже несколько дней ежедневно бываю здесь. Бабушка, по-моему, спросила зачем, и я рассказал, что помогаю там одному человеку, дальше я даже назвал его по имени, которое сейчас уже выветрилось из памяти. Тут же я подумал, что делать этого не стоило, а бабушка меж тем спросила, кто этот человек, и я, помолчав немного, ответил, что не знаю. Не потому, что не хотел ей говорить, а потому что не знал, как ответить, я не знал, кто он по профессии, откуда он и как оказался в детском саду. Тогда бабушка спросила, сколько ему лет, и я вновь сказал, что не знаю, ведь я не знал его точного возраста, я не понимал, что бабушка спрашивает о примерном возрасте, а сейчас мне вспоминается, что ему было столько же, сколько мне сейчас, или около того. Подобные ответы явно говорили не в мою пользу, и я пожалел, что рассказал всё бабушке, ведь она может рассказать родителям, и непонятно, что тогда. Бабушка была смущена моими словами, она повернулась в сторону садика, будто прямо сейчас, под луной, могла увидеть там того, о ком мы говорим, и сказала, что с незнакомцами играть нечего. Это тоже было очень кинематографично, я стоял позади, но мне представлялось, что вижу ее старое лицо, и от этой сцены становилось не по себе.

Я и правда ничего не знал об этом человеке, но меня самого, если честно, это не беспокоило, мне нравилось, что взрослый человек, не такой старый как бабушка, и не такой серьезный как родители, общался со мной, будто не чувствуя, какой я маленький, и пускал меня туда, куда я сам бы ни за что не попал. Каждый день я проделывал один и тот же путь, через гараж проходил к каналу, по его краю добредал до заборчика и перелезал его в одном и том же месте, он, кстати, запрещал мне приходить через главные ворота, часто спрашивал, не видел ли кто меня, и говорил никому не рассказывать о том, что я хожу сюда. Я и сам бы не

пошел через главный вход, я боялся воспиталок в белых халатах, но, слава богу, никто из них меня не замечал, потому что он всякий раз находил себе работу подальше от детворы и нянечек, благо большая территория позволяла это делать. О, как бы я хотел проводить так время, когда сам ходил в детский сад, гораздо интереснее, чем играть со сверстниками в одни и те же игры, нигде за всю жизнь я не провозился столько с краской, сухими ветками, песком, землей, водой, я как бы проник из какого-то внешнего, видимого мира во внутренний, где я узнал, как все работает, откуда берутся все эти цветы, пенёчки и мокрый асфальт, в моем садике после тихого часа асфальт всегда оказывался мокрым.

У него в руках часто появлялись разные чемоданчики с инструментами, похожие на сундучки с кладом, многие из них я видел в отцовском гараже, да и у дома у нас такие тоже лежали, но там они были не интересные, они принадлежали взрослым и их не позволялось тревожить попусту, здесь же их можно было трогать и изучать, даже не используя по назначению. Я не спрашивал, зачем нужны те или иные щипцы и молоточки, а только наблюдал, что делал с ними этот великан, он очень быстро орудовал руками, на пальцах у него были не гладкие и прозрачные волосы, как у моего отца, а черные и закрученные в колечки, и я тщетно пытался запомнить, в каких случаях он вытаскивает из ларца ту или иную вещь, а затем кладет ее обратно строго на свое место. Постепенно он заметил, как я завороченно смотрю на инструменты, начал расспрашивать меня, знаю ли я их названия и как ими пользоваться, я зачем-то сказал, что знаю, а он, не обратив на мои слова внимания, начал называть те штуки, что брал в руки, и объяснять, для чего они нужны, а потом даже передавал их мне, чтобы я повторял его действия, у меня не сразу, но получалось, это и правда было не сложно, я так воодушевился, что стал без спроса вытаскивать из ящика приборы и вертеть их в руках. Он сказал, что эти инструменты не его, они детсадовские, а у него есть наборы поновее, да и побольше, и они лежат у него в гараже, который находится, дальше он назвал какое-то слово, видимо, условный ориентир, который известен только жителям определенного района, и я кивнул головой, словно знаю, где это. Не смотря в мою сторону, он сказал, что можно как-нибудь уйти из детского сада пораньше и дойти до его гаража, там он покажет другие инструменты, из которых, при желании, можно будет что-нибудь соорудить собственными руками. У меня в голове что-то щелкнуло, я смотрел на него и погружался в дежавю, ведь так бывает только в фильмах, думал я, так все эти истории и заканчиваются, а чего я хотел, разве не к этому всё шло. Уже в который раз я чувствовал себя как в чужом кино, сценарий которого я не читал заранее, а узнаю его прямо по ходу съемок и должен ориентироваться немедленно по ситуации. Это одновременно и пугало, и подстегивало, я судорожно взвесил варианты и отказался от предложения, хотя, не буду лукавить, оно меня привлекало. С киношной точки зрения это был бы совсем не оригинальный поворот, в который даже я бы не поверил, а если ты сам не веришь, то зрители не поверят и подавно.

Иногда я вспоминал о том, что есть же еще и настоящая реальность, и события из фильма при определенных обстоятельствах могут стать фактами этой реальности, и что тогда делать, не очень понятно. Впрочем, подобные мысли возникали у меня только дома, уже ночью, перед сном, когда я прокручивал в голове случившееся за день, но быстро улетучивались. На следующий день я снова попадал в детский сад и ни о чем таком уже не думал, там у меня просто не хватало времени о чем-то подумать, я был занят как никогда. Казалось, что

территория этого островка, отделенного от остального мира, с каждым днем только увеличивается, постоянно обнаруживались новые закоулки и участки, заросли кустарников и маленькие садики. Однажды мы даже спустились в бункер, который сверху выглядел обычным курганом, поросшим травой, и только дверь, ведущая куда-то в никуда, намекала на подземное помещение. Нечто подобное имелось и в моем детсаду, мы откуда-то знали, что это продуктовый склад, но вместе с тем представляли, что на самом деле там катакомбы, где можно прятаться от бомб, или подземные туннели, по которым можно попасть в другой конец города, или секретная тюрьма, где держат провинившихся детей, эдакий детский сад наоборот. Внутри было темно и холодно, несмотря на адскую жару снаружи, детские крики и прочий шум куда-то резко исчез, как если бы его выключили, а на улице, подумал я, и подавно не услышат того, что происходит здесь, даже если будешь кричать до самой ночи. В другой раз мы залезли на голубятню, которую я раньше не замечал, потому что она стояла за густой живой изгородью, да, здесь была даже голубятня, и голуби там были необычные, с густыми перьями на ножках, я еще думал, не мешают ли они летать. Так прошел примерно месяц, один из лучших месяцев в моей жизни, и меня не покидала мысль, что я не имею права здесь находиться, что я пользуюсь чем-то не своим, и вместе с тем любопытство распирало меня и всякий раз перебарывало страх во внутренней борьбе. В конце концов, надо брать пока дают, думал я, ведь мне явно повезло, мало с кем такое случается, зачем же мне самого себя останавливать.

Единственное, что меня смущало, – я не понимал, зачем моему случайному знакомцу возиться со мной. Из моей головы постоянно продолжалась трансляция для тысяч любителей дневных криминальных сериалов, и все они наверняка задавались тем же вопросом. В один из первых вечеров он сказал, чтобы я приходил на следующий день, а то ему одному скучно, меня это, признаться, сначала окрылило, но потом, уже дома, я подумал, не странно ли это, ведь взрослые общаются со взрослыми, а дети с детьми, и если мой интерес был очевидным, то его мотивация оставалась неясной. Серия про непонятное знакомство в детском саду оказывалась, несомненно, самой интересной, но и самой длинной, и стоило все-таки задуматься о ее завершении.

Обычно в моих фильмах не снимался никто, кроме меня, и все герои были полностью вымышленными, я мог контролировать их поведение, заставляя допустить ошибку, проронить слово или оставить улику, много информации, в конце концов, можно обнаружить на месте преступления, хороший следок всегда находил хоть какую-нибудь зацепку. Но здесь дело было посложнее, мне, как создателю фильма, требовались сведения о герое, чтобы знать, каким образом его, собственно, найдут и разоблачат, это во-первых, а во-вторых, я должен был умудриться раскрыть дело от имени следователя, при том что я же исполняю и роль жертвы, а пока с жертвой ничего не случится, и раскрывать нечего. В других случаях таких вопросов не возникало, я принимал разные облики и исполнял все роли, но здесь я был не один, не мог же я договариваться с ним уже во время трансляции, он в любую минуту мог предпринять что-то неожиданное, точнее даже, то, что ожидалось с самого начала, но отреагировать я бы уже не смог. Кое-какая информация о нем все же была необходима, но я не понимал, как эту информацию выудить, я стеснялся задавать вопросы, не касающиеся нашей деятельности, я мог спросить про голубей и получал настолько подробные ответы, какие не получал никогда и ни от кого, но не мог спросить про него

самого, будто я навязываюсь ему в друзья, а зачем ему такие мелкие друзья. Вот именно, зачем.

С другой стороны, что я мог сделать с информацией, случись то, что и должно случиться, если зайти в этой истории слишком далеко, тут должен был быть какой-то другой выход, иная развязка, если весь фильм не обычный, пусть и концовка у него будет не слишком традиционная. Совсем не обязательно доводить до момента, когда жертва станет полноценной жертвой, злой умысел можно предугадать и предотвратить. Ведь я проболтался бабушке, да, сейчас это оказалось очень кстати, и благодаря моей случайной оговорке полиция смогла узнать об этой истории чуть раньше, чем обычно, как именно, пока неважно, объяснить можно и в конце фильма, так всегда и делают в детективах. Но главное, что ничего пока и не произошло, никакого состава преступления, мне пришлось показывать дополнительную серию, в которой всё объяснялось, они могли запретить мне посещать этот детский сад, родители сначала так и хотели сделать, но тогда ведь не удастся никого поймать и злоумышленник останется на свободе. Надо его спровоцировать, говорили они между собой, они вспомнили про случай, о котором я им рассказал, где речь шла про некий гараж с инструментами, раз он уже однажды звал меня туда, рассуждали они, почему бы не напомнить ему, главное, чтобы вы вышли из детского сада, а мы за вами проследим, тогда уж он не выпутается. Их напористость насторожила меня, в смысле моего героя, но ему и положено было не понимать до конца всю серьезность ситуации, он удивлялся, что всё это говорится о поедателе рисового супа, который в сущности ничего плохого и не сделал. Мне и самому не хотелось заканчивать эту историю с детским садом, вряд ли кто еще будет уделять мне столько внимания и посвящать в секреты взрослого мира. Но какой-то внутренний маячок подсказывал, что затягивать тоже не стоит, ведь бесплатным бывает только сыр в мышеловке.

Последний день был самым сложным, все происходящее приходилось снимать с разных точек. Помимо нас самих, орудующих в детском саду, я еще показывал полицейских, которые, в свою очередь, наблюдали за нами. Они окружили детский сад со всех сторон, спрятавшись за забором, за изгородью, за гаражами, а я изо всех сил старался не выдать их и себя, и вести себя как обычно. Не помню уж как, но я, преодолев себя, спросил про те инструменты. Наверное, это было в самом конце дня, когда мы собирались разойтись, наши наблюдатели уже замучились сидеть в укрытиях к тому времени. Я напомнил о его предложении и сказал, что хотел бы прогуляться с ним, ведь времени до вечера еще много. Он удивился моим словам, а я занервничал еще больше, потому что теперь отступать было некуда. Некоторое время он колебался, смотрел на часы, оглядывался по сторонам, а потом сказал, чтобы я вышел из сада через боковые ворота и ждал его там. Это было неожиданно, я не замечал, чтобы он пользовался боковыми воротами, я всегда уходил через заборчик, а он через главные ворота. Но делать нечего, я согласился и потопал куда мне сказали. Главное, подумал я, чтобы нас заметили полицейские. Но сам я никого не замечал, хоть и вертел головой во все стороны, пока ждал его. Видимо, так и должно быть, ведь иначе всё могло сорваться. Он наконец вышел, и мы пошли в сторону, противоположную от моего дома. Сначала всё казалось более или менее знакомо, но постепенно я понимал, что не узнаю дворы и улочки, и старался не показать свою растерянность. Иногда я смотрел назад, рассчитывая увидеть наше сопровождение, думал, может, они подадут мне знак, чтобы я не волновался. Но

никого не было и, что странно, даже в моей голове пропала связь с ними, я больше не видел, где они сейчас, и зрители тоже видели только меня одного рядом с высоким сутуленным человеком. Ладно, размышлял я, ведь главное дойти до места назначения, а там они уже появятся. Правда, я тут же понял, что так и не договорился сам с собой насчет того, как проводить финальную часть операции, учитывая, что один из нас не актер. Я смотрел на проходящих мимо людей и пробовал представить, как будет выглядеть со стороны, если я обращусь к ним и попрошу помощи. Но даже вообразить этого не получалось, ведь не мог я просто крикнуть, а нужные слова не шли в голову, в нее уже ничего не шло. Мы приблизились к автомобильной дороге, и прежде чем стали ее переходить, он крепко взял меня за руку, я подумал, что теперь при всем желании не вырваться. Другой рукой я стал нащупывать по карманам свой черный револьвер и никак не мог найти. Его не было ни в переднем кармашке, ни в заднем. Нигде, как будто никогда и не было.